

УДК 323.2

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_1_104

ФАКТОРЫ И ТЕНДЕНЦИИ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

Александр Алиевич Керимов,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,
kerimov68@mail.ru

Ахмат Аскербиевич Эбзеев,

Карачаево-Черкесский республиканский институт
повышения квалификации работников образования,
Черкесск, Россия,
ebze1@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 12.12.2021, принята к публикации 10.02.2022

Для цитирования: Керимов А.А., Эбзеев А.А. Факторы и тенденции протестной активности молодежи в современной России // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 1. С. 104-123. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_104

Аннотация

Цель статьи заключается в том, чтобы установить ключевые факторы молодежного протеста в современной России и спрогнозировать тенденции протестной активности молодого поколения. На основе анализа данных о ценностных ориен-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31682.

© Керимов А.А., Эбзеев А.А., 2022

тациях молодежи, целях молодого поколения, психологических и социокультурных особенностях сделан вывод о дифференциации молодежи. Выделены две возрастные группы с разным протестным потенциалом: от 14 до 24 лет и от 25 до 35 лет. Установлено, что младшая возрастная группа более подвержена протестным настроениям в силу ряда причин, среди которых взросление в стабильной социально-экономической ситуации (ведет к формированию ценностей индивидуализма и свободы), фрустрация на фоне необходимости профорientации или начала трудовой деятельности, отсутствие материальных благ и пр. Также протестный потенциал сопоставлен с такими характеристиками, как уровень образования и локализация проживания. Классические и современные теории протеста проанализированы с точки зрения выявления факторов возникновения молодежного протеста в современных российских реалиях. Помимо этого, проанализировано действие факторов, способных канализировать молодежный протест, направить его в конструктивное русло (молодежная политика и система представительства интересов молодежи). В заключительной части статьи сделан вывод об актуальности факторов протестной активности молодежи в современной России. Авторы подчеркивают, что решение проблемы возможно только при комплексном подходе. С одной стороны, следует включать молодежь в публичную политику путем расширения представительства ее интересов и создания возможности участия в деятельности общественных организаций. С другой стороны, необходимо сбалансировать государственную молодежную политику, включая в нее широкие слои представителей молодого поколения.

Ключевые слова:

молодежь, протест, молодежный протест, факторы протеста, российская молодежь.

UDC 323.2

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_1_104

FACTORS AND TRENDS OF YOUTH PROTEST ACTIVITY IN MODERN RUSSIA*

Aleksandr A. Kerimov,

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia,
kerimov68@mail.ru

Akhmat A. Ebzeev,

Karachay-Cherkessia Republican Institute for Advanced Training of Education Workers,
Cherkessk, Russia,
ebze1@yandex.ru

---

* The reported study was funded by RFBR and EISR, project number № 21-011-31682.

Article received on December 12, 2021, accepted on February 10, 2022

For citation: Kerimov, A.A., & Ebzeev A.A. (2022). Factors and Trends of Youth Protest Activity in Modern Russia. *Discourse-P*, 19(1), 104-123. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_104

Abstract

The purpose of the article is to identify the key factors of youth protest in modern Russia and to predict the trends of protest activity of the younger generation. Based on the analysis of data on the value orientations of the youth, the goals of the younger generation, psychological and socio-cultural characteristics, the conclusion is made about the differentiation of the youth. There are two age groups with different protest potential: from 14 to 24 years and from 25 to 35 years. It has been established that the younger age group is more susceptible to protest moods due to a number of reasons, including growing up in a stable socio-economic situation (leading to the formation of values of individualism and freedom), frustration against the background of the need for career guidance or the beginning of work, lack of material benefits, etc. Also, the protest potential is compared with such characteristics as the level of education and localization of residence. Classical and modern theories of protest are analysed from the perspective of identifying the factors of youth protest emergence in modern Russian realities. In addition, the action of factors capable of channeling the youth protest and directing it in a constructive direction (youth policy and the system of representation of youth interests) is analysed. In the final part of the article, a conclusion is made about the relevance of the factors of youth protest activity in modern Russia. The authors emphasize that the solution to the problem is possible only with an integrated approach. On the one hand, young people should be included in public policy by expanding the representation of their interests and creating opportunities to participate in the activities of public organizations. On the other hand, it is necessary to balance the state youth policy and include a broad range of representatives of the younger generation in it.

Keywords:

youth, protest, youth protest, protest factors, Russian youth.

Введение

Исследование феномена протестного поведения насчитывает тысячи лет, несмотря на то, что сам термин «протест» сформировался намного позже. Ученые Античности, Средневековья, Нового времени по-разному определяли и называли это явление (бунт, мятеж, восстание). Однако большинство из них сходилось в том, что протест представляет собой действия, направленные на свержение власти.

В XX в. понимание феномена протеста принципиально меняется. Он перестает нести исключительно негативную коннотацию: «Прослеживается важное изменение в подходе к протесту: сейчас это не столько действия, направленные против власти, сколько действия, с помощью которых общество пытается повлиять на власть» (Руденкина, Керимов, 2016, с. 56). И этот конструктивный подход позволяет взглянуть на протест иначе – найти в нем возможности для исправления сложившейся ситуации и обратить внимание власти на протестующих не с позиции применения силы для их подавления, а с позиции диалога.

Особенно актуален такой подход в ситуации, когда протест становится привычным политическим поведением молодежи, той социальной группы, от которой зависит будущее государства, выбор векторов его развития. Ситуация, когда молодежь среди всех других форм взаимодействия с властью выбирает протест, свидетельствует о наличии в обществе по крайней мере двух серьезных дисбалансов. Во-первых, существует реальное противоречие между потребностями молодежи, ее ценностями, возможностью их реализации и принятия остальной частью общества. Во-вторых, имеются институциональные проблемы, которые не дают молодежи выразить свою позицию в более конструктивном ключе с использованием других форм политического поведения.

Протестное поведение молодежи дает власти обратную связь и позволяет увидеть: какие вопросы требуют принятия управленческих решений; какие идеи, бытующие в молодежной среде, являются перспективными и могут пойти на пользу социально-экономическому развитию; какие институты потеряли свою эффективность и утратили значение, а какие необходимо создать для повышения качества взаимодействия общества и власти.

В связи с этим, в данном исследовании мы исходим из конструктивного подхода к пониманию феномена протеста и ставим задачу рассмотреть молодежный протест в качестве индикатора, показывающего необходимость корректировки тех или иных решений власти и механизмов взаимодействия власти и общества.

Результаты исследования

Существует множество исследований, выявляющих ключевые факторы протестного поведения населения. Прежде чем проанализировать факторы возникновения молодежного протеста, остановимся на характеристике этой социальной группы, определим, что отличает ее от другой части населения.

Молодежь как социальная группа не является однородной, и это значит, что при характеристике ее протестного потенциала необходимо провести дифференциацию.

Один из ключевых критериев дифференциации – возрастной. Во-первых, потому что цели молодежи варьируются в зависимости от возраста, во-вторых, потому что из-за исторических реалий у разных возрастных групп сформировались разные ценности.

В России молодежная политика реализуется в отношении молодых людей от 14 до 35 лет¹. Следует отметить, что сознательный период жизни этих людей

¹ Федеральный закон № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской

пришелся на новую эпоху, наступившую после распада СССР и окончания холодной войны. Но при этом условия, в которых проходило детство этих людей, отличаются кардинально. Так, старшая возрастная группа молодежи – люди, родившиеся в 1986–1996 гг. (от 25 до 35 лет), провели детство в сложных социально-экономических условиях, в кризисный период, характеризующийся состоянием аномии – когда действующие в обществе нормы перестали быть актуальны, а новые еще не сформировались. Эту группу людей называют и поколением Y (согласно теории поколений), и «миллениумами», т. е. людьми, которые встретили новое тысячелетие в юном возрасте. Младшая возрастная группа молодежи (поколение Z) – люди, родившиеся в конце 1990-х – начале 2000-х гг. (от 14 до 24 лет), – выросла в совершенно новых технологических условиях при стабильной социально-экономической ситуации и отсутствии кризисных явлений.

Каким образом условия жизни молодых людей повлияли на ценности, которых они придерживаются? Существует точка зрения, согласно которой облик поколения формируют глубокие кризисы и подъемы: «Периоды кризиса стимулируют общество к объединению перед лицом общей опасности, формируют этику самопожертвования и стремления к порядку. Во время подъемов преобладают ценности индивидуализма, а государственные институты, как и весь институциональный порядок в целом, подвергаются критике с точки зрения новых социальных и духовных идеалов» (Безбогова, Ионцева, 2016).

Таким образом, основываясь на анализе социально-экономических и общественно-политических факторов, оказывающих влияние на молодежь в период взросления, мы можем выдвинуть следующую гипотезу. Старшая возрастная группа, выросшая в условиях крайней неопределенности и страха будущего, ориентируется на ценности стабильности. «Миллениумам» свойственно быстрое принятие решений из страха упустить возможность, раннее взросление – для того, чтобы справляться с кризисами и проблемами, а также ориентация на коллектив, помощь и взаимовыручка. Младшая возрастная группа, выросшая в благоприятных экономических условиях и погруженная в новую цифровую среду, разделяет принципиально иные ценности. Прежде всего это отрицание иерархии, стремление к личному счастью, индивидуализм.

Социологическое исследование, проведенное в 2019 г. среди оппозиционно настроенной молодежи (медианный возраст составляет 22 года), свидетельствует о доминировании ценностей индивидуализма в указанной социальной группе (Трынов, Дидковская, 2019). Согласно полученным данным, респонденты видят общественный идеал в обществе с высоким уровнем жизни, рыночной экономикой, развитыми технологиями. Относительно власти они придерживаются следующих позиций: систематическая смена, повышение ответственности перед обществом, увеличение количества выборных должностей. Более половины респондентов придерживается либеральных и либертарианских взглядов, что говорит о приверженности таким ценностям, как свобода и индивидуализм.

При этом обе возрастные группы молодежи объединяет большая степень свободы и открытости по сравнению с представителями старших поколений.

Федерации» (2020, 30 декабря). Взято 1 декабря 2021, с <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/>

Этому способствуют два фактора. Во-первых, коренное изменение политической системы России, произошедшее в 1990-е гг. и запустившее процессы демократизации. Во-вторых, стремительное развитие информационных технологий и средств связи, многократно ускоряющее информационные потоки и скорость обмена информацией, благодаря чему молодежь становится значительно более включенной в глобальные процессы, мобильной и адаптивной. Еще одно следствие развития технологий заключается в переводе коммуникаций из реального в виртуальный контакт. Это позволяет выстраивать взаимодействие с большими группами людей, делиться своими интересами, ценностями, организовывать коллективные действия, в том числе протестного характера.

Эти условия также определяют ценности молодежи, характерные для обеих возрастных групп: возможности для самореализации, творчества, гибкая/удаленная работа, развлечения, путешествия и т. д.

Что касается жизненных целей, следует отметить, что представители старшей группы молодежи, как правило, уже устроены в жизни, имеют работу и семью. В то время как наибольшая степень неопределенности, а значит, фрустрации, характерна для молодых людей, определяющихся с выбором профессии, а также для тех, кто только заходит на рынок труда и начинает свою профессиональную детальность, т. е. для людей в возрасте от 14 до 24 лет. И, как мы отметили выше, это как раз то поколение, которое не застало периода турбулентности и кризиса либо находилось в этот период в неосознанном возрасте. А значит, оно более ориентировано на индивидуальные ценности и либеральное мировоззрение. Исследователи отмечают разницу между группами молодежи и с точки зрения наличия материальных благ, которые сдерживают протестное поведение: «Самая юная группа молодежи – до 20 лет – фактически не имеет материальных и прочих обязательств, способных ее сдержать, и поэтому наиболее склонна к протестным формам проявления своих интересов: несанкционированным митингам, манифестациям, забастовкам, голодовкам и др. Более старшая группа чаще всего занимает стороннюю позицию и не проявляет столь активного стремления к стихийным «улично-спонтанным» преобразованиям» (Никипорец-Такигава и др., 2017, с. 38). Согласно упомянутому выше социологическому исследованию, молодые активисты испытывают неудовлетворенность своим материальным положением.

При этом, по данным социологического исследования, проведенного Агентством социальной информации и Федеральным агентством по делам молодежи (Росмолодежь)², уровень поддержки протестных акций поколением Z и поколением Y практически сопоставим (21,7% и 21,0% соответственно). Однако личное участие в акциях протеста чаще принимают представители поколения Z (21,1% против 15,9%), что подтверждает наш вывод о влиянии материальных факторов на политическое поведение молодежи.

Таким образом, характерные для молодежи младшей возрастной группы (от 14 до 24 лет) вопросы, связанные с устройством жизни, нахождением своего места в обществе, а также минимальное количество материальных благ, присущее этой группе, ценности индивидуализма, свободы во всех ее прояв-

² Анализ оценок молодежи РФ в целом по репрезентативной выборке (2020, 20 ноября). Взято 6 декабря 2021, с <https://fadm.gov.ru/docs?categoryId=14&page=1>

лениях, повышенная критичность по отношению к действующим институтам власти свидетельствуют о высоком протестном потенциале.

Еще один критерий дифференциации молодежи – уровень образования, который часто коррелирует с местом проживания. Если проанализировать последние масштабные протестные акции молодежи, мы можем прийти к выводу, что они локализуются в крупных мегаполисах с большим количеством студентов (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург): «В мегаполисах наблюдается самая высокая концентрация активной молодежи. Сюда устремляются в поисках больших возможностей амбициозная и ищущая «лучшей доли» социально уязвленная молодежь из провинции» (Пырма, 2017, с. 49).

Так, массовые всероссийские акции протеста 2017 и 2021 гг. прошли в крупных городах. По данным СМИ, протесты 7 октября 2017 г. продемонстрировали широкий географический охват (около 90 городов), наиболее ярко и заметно проявившись в урбанизированных центрах – столицах крупных регионов³. По данным фонда «Либеральная Миссия», в 2021 г. акции протеста, собравшие более 10 тыс. человек, прошли в Москве, Санкт-Петербурге и Нижнем Новгороде: «Лидерами протестной активности в 2021 году, помимо Москвы, являлись Санкт-Петербург, Екатеринбург, Нижний Новгород, Новосибирск, Пермь и Краснодар»⁴.

Кроме того, исторически университетская, студенческая среда всегда характеризовалась повышенным уровнем критических настроений в отношении действующей власти, инакомыслием.

Еще одна особенность поведения молодежи в контексте протестной активности заключается в том, что такая форма социальной активности для этой группы является еще и способом самовыражения. Иными словами, участие в протесте может не иметь под собой экономических или политических оснований, а быть обусловлено такими личными причинами, как желание выделиться, «быть модным», показать себя более взрослым, найти новый круг общения, повысить свой социальный статус и т. д.

Также следует обратить внимание на общие психологические характеристики молодежи как социальной группы. Исследователи выделяют среди них активность, максимализм, критичность, желание идти на риск, мобильность, экстремальность и т. д. Указанные психологические характеристики молодежи делают ее восприимчивой к оппозиционным и даже радикальным идеям. «С одной стороны, возникает мода на активную гражданскую позицию, с другой – создается образ «борца с системой» (Чеботарева и др., 2019, с. 150).

Таким образом, молодежь как социальная группа, в особенности молодежь несоциализировавшаяся, обладает рядом характеристик (ценностных, психологических, культурологических, интеллектуальных), усиливающих вероятность

³ Суд Санкт-Петербурга оштрафовал двух активистов штаба Навального (2017, 7 октября). Взято 9 декабря 2021, с <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/59d90fc69a794713e832f251>

⁴ Протесты 2021 года и протестное десятилетие 2011–2021 гг. Динамика и оценки численности (2021, 7 сентября). Взято 9 декабря 2021, с <https://liberal.ru/lm-eksportiza/protesty-2021-goda-i-protestnoe-desyatiletie-2011-2021-gg-dinamika-i-ocenki-chislennosti>

протестного поведения. Однако конвертацию этого потенциала в активные действия обеспечивают факторы протеста.

Теория вопроса разработана в научной литературе достаточно подробно. Существуют так называемые классические теории, объясняющие причины и механизмы формирования протеста, и современные теории, которые пытаются объединить накопленный опыт с анализом современных практик протестной активности. Рассмотрим эти подходы с точки зрения объяснения факторов возникновения протеста.

Теория коллективного поведения, составной частью которой является теория относительной депривации (Гарр, 2005), представляет собой социально-психологический подход. Основной фактор протеста, согласно этой теории, заключается в увеличении разрыва между ожиданиями общества (или части общества) и возможностью их удовлетворения. Формирование и нарастание этого разрыва запускает психологические процессы, в частности, фрустрацию. В результате возникает психологическое напряжение, которое требует разрядки. В случае, если такое напряжение формируется у больших социальных групп, разрядка происходит через протестные действия.

При этом более значимым фактором возникновения протестных настроений является не фактическое ухудшение условий жизни (абсолютная депривация), а субъективное ощущение (относительная депривация). Например, завышенная оценка молодым поколением ценности своего труда приводит к необоснованным ожиданиям относительно заработной платы. При столкновении с реальным рынком труда молодой человек вынужден снижать свои требования, что приводит к фрустрации. Это не означает ухудшение условий жизни, но формирует психологическое напряжение. «Следствием данного состояния становится протест как способ преодоления фрустрации, то есть тех барьеров, которые встают на пути социальных субъектов и препятствуют достижению поставленной цели» (Гоголева, 2020, с. 35).

Анализ последних крупных протестных акций молодежи в России приводит к выводу, что декларируемая причина протестов напрямую соотносится с теорией относительной депривации. Основные претензии протестующих сводятся к недовольству социально-экономической ситуацией, падению уровня жизни, коррупции, неэффективности действий власти по решению указанных проблем. Так, согласно опросам фонда «Общественное мнение», проведенным после массовых протестных акций в июне 2017 г., люди чаще всего связывают их с недовольством властями («терпение лопается у народа»), с тем, что «людей конкретно достала коррупция», с тем, что «надоело жить плохо»⁵.

Критика теории сводится к невозможности измерения порогового значения относительной депривации, необходимого для возникновения протеста. Также под вопросом остается зависимость между психологическими установками человека и его реальными действиями.

Однако, несмотря на критику теории, необходимо отметить, что для молодежи свойственны несколько завышенные, максималистские ожидания относительно своего благосостояния, работы и будущего. Поэтому обострение

⁵ *Акции протеста 12 июня: опросы накануне и после протестов* (2017, 23 июня). Взято 10 декабря 2021, с <https://fom.ru/Nastroeniya/13591>

проблемы с трудоустройством и самореализацией, обусловленное в том числе противозападническими мероприятиями, вызывает среди молодого поколения фрустрацию и психологическое напряжение. Помимо этого, фрустрацию молодежи порождает проблема коррупции и связанный с ней вопрос работы социальных лифтов: «Каждый четвертый молодой человек (24,1 %) рассматривает коррупцию в стране как ситуацию, тревожащую его в настоящий момент больше всего. Представления молодых людей о коррупционной составляющей в стране и государственных структурах активизируют страх не реализовать себя в жизни» (Чуев, 2017, с. 47). Таким образом, мы рассматриваем разрыв между ожиданиями молодежи и реальностью их удовлетворения как один из факторов молодежного протеста. Вместе с тем, на наш взгляд, для преобразования психологической напряженности в реальные протестные действия требуется действие других факторов протеста.

Еще одна классическая теория протеста – теория мобилизации ресурсов – основана на организационном подходе. Ее отличительной особенностью является то, что она стремится рационально обосновать действия протестующих и не рассматривает их как стихийные: «Протест возникает только при формировании экономических, политических и организационных возможностей для мобилизации существующего недовольства» (Савенков, Щеглова, 2018, с. 557).

Критика теории заключается в том, что она объясняет внутреннюю динамику движения/протеста, но не объясняет причину его возникновения. Однако нельзя не согласиться с ключевым положением теории, согласно которому протест организуется путем мобилизации ресурсов и для их мобилизации требуется лидер. Иными словами, насколько бы ни было масштабное недовольство людей и уровень их психологической напряженности, без организации и мобилизации ресурсов этот протестный потенциал не превратится в реальный протест.

Что касается российской молодежи, на сегодняшний день отсутствует человек, способный консолидировать масштабные группы. Протестный потенциал поддерживается лидерами общественного мнения в рамках своей целевой аудитории. Чаще всего в этом амплуа работают представители сферы культуры, например, исполнители рэпа и рок-музыки. Однако они не обладают необходимыми ресурсами, чтобы консолидировать протестно настроенную молодежь.

Политическая активность молодых лидеров ограничивается, с одной стороны, ужесточением законодательства, регламентирующего данную сферу, с другой – правоприменительной практикой. Это и более серьезные наказания за участие в несанкционированных митингах, и привлечение к ответственности за распространение недостоверной информации в социальных сетях. К нововведениям, прямо или косвенно влияющим на эту сферу жизни общества, следует отнести: закон об иностранных агентах, закон об оскорблении чувств верующих, введение штрафов за оскорбление власти, штрафы и административная ответственность за проведение несанкционированных акций и др.

Согласно исследованию, проведенному объединением оппозиционных журналистов «Агентство»⁶, за последние 10 лет законодательство, регламентирующее деятельность СМИ, взаимодействие в социальных сетях, функциони-

⁶ *Болотная 10 лет спустя* (2021, 6 декабря). Взято 10 декабря 2021, с <https://www.agents.media/bolotnaya-10-let/>

рование организаций гражданского общества, участие в акциях протеста и пр., существенно ужесточилось. Анонимные авторы исследования отмечают, что за 10 лет количество задержаний на митингах увеличилось в 13 раз, а средний размер штрафа вырос в 17,5 раз.

Таким образом, сегодня молодые лидеры, в той или иной степени недовольные политикой государства, находятся перед выбором: либо, принимая имеющиеся риски, отстаивать свои убеждения путем организации протестных акций, либо попробовать войти в политическую систему, используя традиционные механизмы участия – членство в политических партиях, участие в выборах и т. д. Однако для реализации лидерского потенциала этим способом необходимо наличие открытой системы рекрутирования и работающих социальных лифтов.

Современные сторонники теории мобилизации ресурсов учитывают и институциональные факторы протеста. В данном случае имеется в виду конфигурация избирательной и партийной систем. От нее зависит возможность выразить протест в конвенциональной форме, т. е. не с помощью несанкционированных митингов, шествий и пр., а путем выбора альтернативной партии или голосования против всех. Иными словами, конкурентность политического режима приводит к более «мягкому» протесту. При этом само по себе ужесточение избирательной системы способно спровоцировать протесты. К примеру, отмена выборных должностей (главы субъектов Федерации и мэры крупных городов) привела к серии крупных протестов. Возврат возможности выбирать глав субъектов Федерации был воспринят позитивно.

В настоящее время формируются новые теории, объясняющие протест с точки зрения таких понятий, как идентичность и ценности. При характеристике современной российской молодежи мы отметили, что даже внутри этой социальной группы присутствуют разные ценности. Ценностные ориентации составляют основу для формирования взглядов относительно развития страны, в связи с чем уместно говорить об идеологических факторах молодежного протеста. Несовпадение взглядов молодежи и власти на приоритеты внутренней и внешней политики также может стать причиной протестных настроений. При этом следует понимать, что это не означает неэффективность власти или падение уровня жизни населения. Речь идет о несовпадении взглядов на будущее.

Еще один аспект молодежного протеста – технологический. Ему необходимо уделить отдельное внимание, поскольку даже одновременное действие всех обозначенных нами факторов не всегда приводит к активным протестным действиям. Для того чтобы протестный потенциал молодежи реализовался, необходимо либо наличие лидера из самой молодежной среды, способного организовать массы людей, либо наличие политической силы, заинтересованной в организации молодежного протеста. И именно последнее зачастую становится причиной превращения молодежного протеста из потенциального в реальный. Иными словами, действия политических сил, заинтересованных в создании протестной активности, являются катализатором для выхода молодых людей на улицы.

В России долгое время молодых людей рекрутировали на протестные действия с помощью антикоррупционной повестки или точечных проблемных тем. Наиболее массовыми (с точки зрения участия молодежи) стали две волны всероссийских протестных акций, организованных А. Навальным и его коман-

дой⁷. В 2017 г. серия протестных акций сопровождала предвыборное турне оппозиционного политика. В начале года это была привычная антикоррупционная повестка, основанная на фильме «Он Вам не Димон». К концу года в фокусе внимания оказались требования по освобождению оппозиционера из-под ареста, а также его допуск к участию в президентских выборах, сопровождающиеся критикой власти: «Акции в предвыборной кампании основывались в основном на санкционированных формах. Несанкционированные мероприятия, посвященные антикоррупционным расследованиям, организовывались в форме митингов и получили широкое освещение в СМИ» (Соколов, Курбанова, 2019, с. 237). В 2021 г. поводом для акций протеста также стали антикоррупционные расследования, в то же время основные требования протестующих сводились к прекращению политического преследования А. Навального. При этом содержание осталось таким же, как в 2017 г., – критика действующей власти, к которой добавились новые актуальные темы: «Эксперты считают, что единого мотива у протестующих нет: люди вышли на улицы из-за накопившейся усталости от эпидемии коронавируса, экономической депрессии и длительного политического затишья»⁸.

Кроме того, следует отметить протестные акции 2011 г. на Болотной площади. Эти протесты не имели конкретного организатора, однако лидерство стремились присвоить себе разные представители несистемной оппозиции (С. Удальцов, А. Навальный, И. Яшин, И. Пономарев и др.), которые так и не смогли консолидировать усилия и объединить своих сторонников в ходе борьбы за признание итогов выборов в Государственную Думу недействительными. При этом реакция органов охраны правопорядка была жесткой – в рамках так называемого «болотного дела» были приговорены к реальным срокам более 10 человек, уголовному преследованию подверглись около 30 человек⁹.

Отдельно необходимо выделить точечные проблемные темы, волнующие молодежь. Прежде всего это экологическая и градостроительная повестка. Такого рода вопросы, касающиеся непосредственного места проживания молодых людей, их комфорта и интересов, способны стать катализатором для самоорганизации молодежи. Один из наиболее медийных локальных протестов, произошедших за последнее время – споры по поводу выбора площадки для строительства Храма Св. Екатерины в Екатеринбурге. «Протесты продолжались несколько дней. Суммарно в них приняли участие около 10 тыс. человек. Основная причина конфликта – недовольство горожан выбором местными властями площадки под строительство храма, предполагающей ликвидацию сквера» (Попцов, 2020, с. 144).

⁷ В июне 2021 г. фонды и предвыборные штабы А. Навального признаны в России экстремистскими организациями, их деятельность запрещена. В январе 2022 г. Росфинмониторинг внес в реестр террористов и экстремистов А. Навального и ряд приближенных к нему людей.

⁸ *Социологи о портрете и мотивации вышедших на протестные акции россиян* (2021, 30 января). Взято 12 декабря 2021, с <https://www.kommersant.ru/doc/4670663>

⁹ «Болотное дело». *Досье* (2014, 11 июня). Взято 12 декабря 2021, с <https://tass.ru/info/885791>

В случае отсутствия конструктивного диалога протестующих с местной властью, как правило, происходит эскалация конфликта, которую в своих целях могут использовать представители несистемной оппозиции. Конфликт вокруг строительства храма на месте сквера в Екатеринбурге является примером подобного развития событий: представители местной власти вовремя не отреагировали на протест, в результате чего он был подхвачен лидерами локального протеста (движение «Парки и скверы Екатеринбурга» и др.)¹⁰. Согласно экспертному мнению, локальная акция протеста 2019 г. повлияла на массовость всероссийских акций протеста 2021 г. в Екатеринбурге: «Свою роль майские выступления сыграли. Во время тех событий горожане получили опыт победных действий. Многие люди были там, получили живой опыт. Сквер стал символическим местом победы, это притягивает, потому люди и пришли именно туда в субботу, несмотря на мороз»¹¹. Это говорит о том, что местная протестная повестка создает фундамент для развития протестной активности и может быть использована оппозиционными силами в своих целях.

Интерес вызывает не только тематика и организаторы акций протеста, но и сами способы и технологии их организации. Ключевыми информационными ресурсами для мобилизации участников протестных акций выступают интернет-платформы (прежде всего ТикТок, а также Инстаграм¹², Фейсбук¹³, ВКонтакте, Ютуб) и либерально/оппозиционно настроенные электронные медиа. Современные мессенджеры позволяют организовать большое количество людей при минимальном количестве затрат. При этом речь идет не только о предварительной организации, но и о координации действий непосредственно во время протестной акции.

В то же время сама форма проведения протестных акций имитирует игровую, тем самым создавая из акции протеста «глобальную тусовку» (хороводы, шествия с фонариками, пение песен, раздача еды и т. д.): «К традиционным формам политического протеста – митингам, забастовкам, пикетам, манифестациям – добавляют так называемые spektakyлярные формы – флэшмобы, хэппенинги, перфомансы» (Савченко, 2012, с. 254). Такая форма протеста привлекает в том числе и аполитичную молодежь, целью которой является общение и развлечение, а не демонстрация своей политической позиции и влияние на власть. Тем самым искусственно создается массовость подобных акций.

Таким образом, мы пришли к выводу, что действие факторов, активизирующих молодежный протест, усиливается. В то же время появляются новые развлекательные формы протестных акций, развиваются технологии формирования молодежного протеста. Потенциал различных интернет-площадок

---

¹⁰ *Противники и сторонники возведения храма Святой Екатерины встретились с главой региона* (2019, 14 мая). Взято 12 декабря 2021, с <https://www.kommersant.ru/doc/3967947>

¹¹ *Недовольство властью и пандемия: почему акция в поддержку Навального собрала так много участников* (2021, 25 января). Взято 12 декабря 2021, с <https://www.e1.ru/text/politics/2021/01/25/69722896/>

¹² Соцсеть, признанная в России экстремистской.

¹³ Соцсеть, признанная в России экстремистской.

и социальных сетей позволяет охватить большие массы молодых людей и организовать их действия.

Однако существуют определенные условия, сглаживающие действие факторов молодежного протеста. Их анализ позволит оценить и спрогнозировать тенденции протестной активности молодежи в современной России.

Ранее мы отметили, что протест может служить для власти обратной связью и использоваться в конструктивном ключе. В этом случае учет позиции протестно настроенной молодежи может сгладить степень напряжения и решить накопившиеся вопросы. Однако власти необходимо не только решать комплексные проблемы молодежи (доступность образования, возможность трудоустройства, жилищный вопрос и т. д.), но и предоставлять ей возможность участвовать в решении данных вопросов, давать обратную связь о принятых мерах, проводить системную молодежную политику.

Современные социологические исследования выявляют ряд проблем при реализации молодежной политики в России. Ключевая проблема, с точки зрения формирования потенциального молодежного протеста, заключается в невключенности в молодежную политику большей части молодежи – так называемых «средних» (Подъячев, Халий, 2020). Иными словами, молодежная политика в России реализуется посредством концепции «двух полюсов» – поддержка адресуется талантливой молодежи и незащищенным социальным слоям (сироты, дети из неблагополучных семей), в то время как самая массовая часть молодежи остается за рамками внимания и поддержки со стороны государства.

Также исследователями государственной молодежной политики отмечаются кадровые и инфраструктурные проблемы (Чуев, Поляков, 2017). В частности, недостаточное количество специалистов по молодежной политике, как на региональном, так и на муниципальном уровнях.

В рамках анализа протестной активности молодежи мы не преследуем цели дать оценку государственной молодежной политике России. Однако проблемы ее реализации, обозначаемые современными отечественными исследователями, позволяют сделать вывод о том, что сформировавшаяся система работы с молодежью не приводит к нивелированию молодежного протеста. Об этом свидетельствует и неизменность одного из основных документов, посвященных молодежной политике в России. Так, «Основы государственной молодежной политики»¹⁴ с момента их принятия в 2014 г. до настоящего времени остаются неизменными, несмотря на стремительные трансформации как технологического, так и социально-экономического характера, влияющие на объект политики, т. е. на молодежь.

При этом следует отметить, что эксперты и ученые позитивно оценивают принятие в 2020 г. Федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации»¹⁵. В частности, отмечается создание единого под-

¹⁴ Распоряжение Правительства РФ № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (2014, 29 ноября). Взято 12 декабря 2021, с <https://docs.cntd.ru/document/420237592>

¹⁵ Федеральный закон № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»

хода к молодежной политике и пониманию стратегии ее реализации. Единое правовое поле «позволяет заложить основы дальнейшего правового регулирования сферы молодежной политики на федеральном, региональном и муниципальном уровнях власти с активным привлечением молодежи к решению значимых для нее вопросов» (Самохвалов, 2020, с. 27). Позитивно оценивается и введение четкого возрастного критерия для понятия «молодежь» – от 14 до 35 лет (в отличие от размытого возраста от 14 до 30 и в отдельных случаях до 35 лет, установленного в «Основах государственной молодежной политики»), что позволяет включить в государственную молодежную политику дополнительно порядка 12 млн. человек¹⁶.

Однако эксперты сходятся во мнении, что аналитическая оценка действия нового закона возможна только спустя некоторый промежуток времени, в течение которого субъекты Федерации приведут свое законодательство в соответствие с федеральным, а органы власти начнут системно реализовывать свои полномочия, определенные указанным законом: «Принятый документ предстоит наполнить конкретным, практическим содержанием, перейдя от рамочно-терминологического формата к реальным законодательным и управленческим механизмам решения молодежных проблем» (Меркулов, 2021, с. 18).

Помимо эффективной молодежной политики, фактором, нивелирующим или даже канализирующим в определенное русло молодежные протесты, является наличие в политическом пространстве сил, представляющих интересы молодежи. Иными словами, речь идет о политической партии (политических партиях), отражающей позиции молодого поколения и способной продвигать их в парламенте. Отсутствие такой политической силы приводит к тому, что эту нишу занимают представители несистемной оппозиции, чья тактика как раз и заключается в использовании протестного потенциала молодежи.

Определим, насколько этот фактор актуален для современной России. Анализируя ценности и политические позиции молодежи, мы установили, что политически активная молодежь, способная на участие в акциях протеста, придерживается преимущественно либеральных политических взглядов и разделяет такие ценности, как высокий уровень жизни, рыночная экономика, развитие технологий. Ценности исторических традиций и усиления государственной власти, т.е. консервативные ценности, большей частью активной молодежи не поддерживаются. С учетом того, что правящая партия в современной России придерживается именно консервативной идеологии (Лотарев, 2016), активная молодежь выступает по отношению к ней преимущественно оппозиционно и ищет сторонников своих взглядов среди других политических сил, в том числе несистемных.

Некоторое время на представительство интересов либерально настроенных граждан, включая молодежь, претендовала партия «Яблоко». Однако отсутствие кадрового обновления, пассивная позиция и закрытость от своего электората привели к потере аудитории, в первую очередь активных молодых людей.

Федерации» (2020, 30 декабря). Взято 1 декабря 2021, с <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/>

¹⁶ *Распределение населения по возрастным группам* (2021, 2 июля). Взято 22 октября 2021, с <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>

В то же время радикализация несистемной оппозиции оттолкнула большую часть ее сторонников, которая оказалась не готова к открытой конфронтации с действующей властью. В последнем электоральном цикле появилась новая либеральная политическая сила в лице партии «Новые люди». Однако пока она позиционирует себя в качестве представителя предпринимательского сообщества.

Исходя из указанных фактов, мы можем сделать вывод, что молодежь находится в поиске новых лидеров, выражающих их интересы, поскольку традиционная либеральная оппозиция себя дискредитировала, а новая находится в стадии становления и еще не набрала необходимый авторитет.

Помимо традиционных форм представительства социальных групп в политическом пространстве (политических партий, представляющих их интересы), существуют и институты непосредственного участия. В частности, молодежь может вовлекаться в политику путем участия в молодежных секциях политических партий, молодежных правительствах, молодежных парламентах и т. д. Однако эти формы представительства, во-первых, охватывают относительно небольшой круг молодежи, во-вторых, как правило, интересуют молодежь, настроенную провластно и не участвующую в акциях протеста. Поэтому, анализируя эффективность институтов молодежного представительства, необходимо оценивать то, насколько их работа соответствует интересам молодежи как социальной группы. Превращение этих институтов в «рабочие» органы политической системы и смещение акцентов на продвижение личной карьеры их участников свидетельствует о том, что основная функция не выполняется. Поэтому эффективность представительства интересов молодежи посредством подобных институтов во многом зависит от позиции власти и готовности предоставить молодежным организациям определенную долю самостоятельности. Так, например, К. Д. Купорез, анализируя деятельность Молодежного парламента Свердловской области, приходит к выводу что с 2011 г. его субъектность значительно снизилась: «... как и в третьем созыве, деятельность парламентариев в основном была сведена к организации общественных, спортивных, социально значимых и развлекательных мероприятий для молодежи». Помимо этого, отмечается низкий уровень осведомленности молодежи о деятельности институтов молодежного представительства (Купорез, 2020, с. 29).

Анализируя систему молодежного представительства в России, отечественные авторы выделяют две тенденции, начавшие формироваться в 2000-е гг. и укрепившиеся в период построения вертикали власти. С одной стороны, это встраивание молодежных организаций в политическую систему, снижение уровня субъектности и подконтрольность государству. С другой стороны, «исключение из процесса принятия и реализации политических решений тех молодежных организаций, которые не интегрированы в политическую систему и осуществляют деятельность, относительно независимую от власти» (Давыдов, Коряковцева, 2014, с. 50).

Эти процессы усложняют процесс встраивания в Россию диалога с молодежью и не способствуют формированию эффективной системы представительства ее интересов.

Заключение

Таким образом, проблемы, связанные с представительством интересов молодежи и отсутствием конструктивной политической силы, способной агрегировать и артикулировать потребности молодежи, вкупе с недостатками молодежной политики, приводят к тому, что молодежный протест может стать непредсказуемым и малоуправляемым процессом. Повышение независимости и субъектности институтов молодежного представительства может способствовать решению ряда волнующих молодежь проблем до того, как они будут вынесены в протестную повестку.

При увеличении влияния факторов молодежного протеста власти будет сложно направить протестные действия в конструктивное русло. Последние массовые акции протеста показали, что он строится по единой схеме. В обществе в целом и в молодежной среде в частности существует определенная степень недовольства и фрустрации, вызванная как конкретными социально-экономическими причинами, так и повышенным уровнем тревожности на фоне мероприятий по профилактике новой коронавирусной инфекции. Разного рода критические или дискредитирующие материалы актуализируют имеющееся недовольство. Затем представители несистемной оппозиции генерируют какой-либо повод для протеста или используют имеющийся. Молодежь, обладающая рядом характеристик, усиливающих вероятность протестного поведения, подвержена вовлечению в такого рода акции протеста больше, чем остальные социальные группы. Однако ряд характеристик, влияющих на протестный потенциал молодежи, возможно нивелировать путем выстраивания диалога и учета интересов молодого поколения.

Таким образом, актуальной задачей на текущем этапе представляется включение молодежи в публичную политику путем расширения представительства ее интересов на традиционных площадках органов власти, а также участия в деятельности разного рода общественных организаций.

Список литературы

1. Безбогова, М. С., Ионцева, М. В. (2016). Социально-психологический портрет современной молодежи. *Интернет-журнал «Мир науки»*, 4(6). Взято 22 октября 2021, с <https://mir-nauki.com/PDF/35PSMN616.pdf>
2. Гарр, Т. Р. (2005). *Почему люди бунтуют*. СПб.: Питер.
3. Гоголева, Е. Н. (2020). Студенческий протест и социально-политическая функция института высшего образования. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*, (2), 34–41. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2020.65.2.005>
4. Давыдов, А. В., Коряковцева, О. А. (2014). Молодежные организации и движения в России: история и современность. *PolitBook*, (3), 41–54.
5. Купорез, К. Д. (2020). Молодежные парламенты в современной России: региональный опыт. *Документ. Архив. История. Современность*, (20), 20–34.

6. Лотарев, К. А. (2016). Консерватизм в современной России: к проблеме устойчивого развития. Ч. 1. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*, 15, 14–22.
7. Меркулов, П. А. (2021). Новый федеральный закон как завершение процесса конституционализации молодежной политики в Российской Федерации. *Вестник Поволжского института управления*, 21(2), 4–19. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2021-2-4-19>
8. Никипорец-Такигава, Г. Ю., Отюцкий, Г. П., Родионова, М. Е. (2017). Об актуальности исследования эффективности реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*, 7(6), 36–40.
9. Подъячев, К. В., Халий, И. А. (2020). Государственная молодежная политика в современной России: концепт и реалии. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 20(2), 263–276. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-2-263-276>
10. Попцов, Д. А. (2020). Новые медиа в контексте формирования общественного мнения. *Дискурс-Пи*, 17(3), 140–152. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10309>
11. Пырма, Р. В. (2017). Восстание поколения Z: новые политические радикалы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*, 7(2), 43–50.
12. Руденкина, А. И., Керимов, А. А. (2016). Социально-политическая теория протеста в зарубежной науке. *Социум и власть*, (4), 56–61.
13. Савенков, Р. В., Щеглова, Д. В. (2018). Теории коллективного поведения и мобилизации ресурсов: развитие концепций анализа политического протеста. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 20(4), 555–563. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2018-20-4-555-563>
14. Савченко, И. А. (2012). Политический протест в современном обществе: технологический подход. *Теория и практика общественного развития*, (2), 252–255.
15. Самохвалов, Н. А. (2020). О концептуальных идеях проекта закона «О государственной молодежной политике в Российской Федерации» и некоторых аспектах его реализации. *Азимут научных исследований: экономика и управление*, 9(4), 25–28. <https://doi.org/10.26140/anie-2020-0904-0076>
16. Соколов, А. В., Курбанова, А. А. (2019). Массовые движения в современной России (на примере движения в поддержку А. Навального). *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, (52), 231–245. <https://doi.org/10.17223/1998863X/52/21>
17. Трынов, Д. В., Дидковская, Я. В. (2019). Новая протестная молодежь: самоидентификация, социальное самочувствие и образ будущего. *Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки*, 14(3), 118–127.
18. Чеботарева, И. В., Мрочко, Л. В., Пирогова, Л. И. (2019). Причины и особенности протестных настроений в молодежной среде. *Экономические и социально-гуманитарные исследования*, (3), 145–152. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2019-3-145-152>
19. Чуев, С. В. (Ред). (2017). *Ценностные ориентации российской*

молодежи и реализация государственной молодежной политики: результаты исследования. М.: Государственный университет управления.

20. Чувев, С.В., Поляков, М.Б. (2017). Основные проблемы развития сферы государственной молодежной политики. *PolitBook*, (3), 45–63.

References

1. Bezbogova, M.S., & Iontseva, M.V. (2016). Social'no-psixologicheskij portret sovremennoj molodezhi [Socio-psychological portrait of modern youth]. *Internet-zhurnal "Mir nauki"*, 4(6). Retrieved October 22, 2021, from <https://mir-nauki.com/PDF/35PSMN616.pdf>
2. Chebotareva, I.V., Mrochko, L.V., & Pirogova, L.I. (2019). Prichiny i osobennosti protestnyx nastroyenij v molodezhnoj srede [Causes and special aspects of protest moods among young people]. *E'konomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya*, (3), 145–152. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2019-3-145-152>
3. Chuev, S.V. (Ed.). (2017). *Cennostnye orientacii rossijskoj molodezhi i realizaciya gosudarstvennoj molodyozhnoj politiki: rezul'taty issledovaniya* [Value orientations of Russian youth and the implementation of State youth policy: Research results]. Moscow: Gosudarstvennyj universitet upravleniya.
4. Chuev, S.V., & Polyakov, M.B. (2017). Osnovnye problemy razvitiya sfery gosudarstvennoj molodezhnoj politiki [Main problems of development of State youth policy]. *PolitBook*, (3), 45–63.
5. Davydov, A.V., & Koryakovceva, O.A. (2014). Molodezhnye organizacii i dvizheniya v Rossii: istoriya i sovremennost' [The youth organizations and the movements in Russia: History and present]. *PolitBook*, (3), 41–54.
6. Garr, T.R. (2005). *Pochemu lyudi buntuyut* [Why do people rebel]. Saint Petersburg: Piter.
7. Gogoleva, E.N. (2020). Studencheskij protest i social'no-politicheskaya funkciya instituta vysshego obrazovaniya [The student protest and the socio-political function of the higher education institute]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, (2), 34–41. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2020.65.2.005>
8. Kuporez, K.D. (2020). Molodezhnye parlamenti v sovremennoj Rossii: regional'nyj opyt [Youth parliaments in contemporary Russia: Regional experience]. *Dokument. Arxiv. Istoriya. Sovremennost'*, (20), 20–34.
9. Lotarev, K.A. (2016). Konservatizm v sovremennoj Rossii: k probleme ustojchivogo razvitiya. Chast' 1 [Conservatism in modern Russia: The issue of steady development. Part 1]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*, 15, 14–22.
10. Merkulov, P.A. (2021). Novyj federal'nyj zakon kak zavershenie processa konstitucionalizacii molodezhnoj politiki v Rossijskoj Federacii [New federal law as the completion of the youth policy constitutionalization process in the Russian Federation]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*, 21(2), 4–19. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2021-2-4-19>
11. Nikiporec-Takigava, G. Yu., Otyuckij, G.P., & Rodionova, M.E. (2017). Ob aktual'nosti issledovaniya e'ffektivnosti realizacii gosudarstvennoj molodezhnoj

politiki v Rossijskoj Federacii [About the actuality of studying the efficiency of the implementation of state youth policy in the Russian Federation]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 7(6), 36–40.

12. Podyachev K.V., & Khaliy I.A. (2020). Gosudarstvennaya molodezhnaya politika v sovremennoj Rossii: koncept i realii [The State youth policy in contemporary Russia: Concept and realities]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sociologiya*, 20(2), 263–276. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-2-263-276>

13. Poptsov, D. A. (2020). Novye media v kontekste formirovaniya obshhestvennogo mneniya [New media in the context of public opinion formation]. *Discourse-P*, 17(3), 140–152. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10309>

14. Pyrna, R. V. (2017). Vosstanie pokoleniya Z: novye politicheskie radikaly [Rebellion of the generation Z: New political radicals]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 7(2), 43–50.

15. Rudenkina, A.I., & Kerimov, A.A. (2016). Social'no-politicheskaya teoriya protesta v zarubezhnoj nauke [Social political theory of protest in foreign science]. *Socium i vlast'*, (4), 56–61.

16. Samokhvalov, N.A. (2020). O konceptual'nyx ideyax proekta zakona "O gosudarstvennoj molodezhnoj politike v Rossijskoj Federacii" i nekotoryx aspektax ego realizacii [On the conceptual ideas of the draft law "On State youth policy in the Russian Federation" and certain aspects of its implementation]. *Azimuth nauchnyx issledovanij: e'konomika i upravlenie*, 9(4), 25–28. <https://doi.org/10.26140/anie-2020-0904-0076>

17. Savchenko, I.A. (2012). Politicheskij protest v sovremennom obshhestve: texnologicheskij podxod [Political protest in modern society: Technological approach]. *Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya*, (2), 252–255.

18. Savenkov, R.V., & Shheglova, D.V. (2018). Teorii kollektivnogo povedeniya i mobilizacii resursov: razvitie koncepcij analiza politicheskogo protesta [Theories of collective behavior and resource mobilization: Elaboration on the concept of political protest]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya*, 20(4), 555–563. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2018-20-4-555-563>

19. Sokolov, A.V., & Kurbanova, A.A. (2019). Massovye dvizheniya v sovremennoj Rossii (na primere dvizheniya v podderzhku A. Naval'nogo) [Mass movements in modern Russia (on the example of the movement in support of A. Navalny)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, (52), 231–245. <https://doi.org/10.17223/1998863X/52/21>

20. Trynov, D.V., & Didkovskaya, Ya.V. (2019). Novaya protestnaya molodezh': samoidentifikaciya, social'noe samochuvstvie i obraz budushhego [New protest youth: Self-identification, social well-being and future image]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshhestvennye nauki*, 14(3), 118–127.

Информация об авторах

Александр Алиевич Керимов, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5807-9810>, e-mail: kerimov68@mail.ru

Ахмат Аскербиевич Эбзеев, доктор политических наук, профессор кафедры истории, обществознания и политологии, Карачаево-Черкесский республиканский институт повышения квалификации работников образования, Черкесск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3639-7092>, e-mail: ebze1@yandex.ru

Information about the authors

Aleksandr Alievich Kerimov, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Political Science, Ural Federal University named after B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5807-9810>, e-mail: kerimov68@mail.ru

Akhmat Askerbievich Ebzeev, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of History, Social and Political Sciences, Karachay-Cherkessia Republican Institute for Advanced Training of Education Workers, Cherkessk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3639-7092>, e-mail: ebze1@yandex.ru